Яков Шехтер

«Треба знати, як гуляти»

Еврейская мистика

Яков Шехтер
«Треба знаты, як гуляты». Еврейская мистика

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6726248
Треба знаты, як гуляты / Яков Шехтер: Авторское;

Аннотация

Романы, повести и рассказы Якова Шехтера публикуют в Израиле, США, Канаде, России и, конечно, в Одессе.

У писателя вышло 16 книг, его произведения переведены на иврит, английский, французский языки.

Я. Шехтер лауреат премии имени Юрия Нагибина, вручаемой СП Израиля за лучшую книгу прозы 2009 года, он вошел в длинный список «Русской премии» 2011 года.

Как сказала о книге Анна Мисюк: «Ты входишь с героями рассказов просто с улицы, из дома, или офиса в пространство, о котором либо не ведал, либо забыл, и теперь от тебя зависит, куда ты вернешься: сохранишь ли нить связующую с духовным заветом или опять утвердишься в комфорте обыденности – это твой выбор, твоя тайна жизненного пути.»

Содержание

Памятник матери	7
Недогадливый праведник	14
Случай в Кракове	20
Памятник отцу	25
Треба знаты, як гуляты	38
О времени и о себе	43
Нищета как выбор	49
Наполеон в Варшаве	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Яков Шехтер
Треба знаты, як гуляты. Еврейская мистика

«Связь между событием и рассказом о событии такова же, как между, например, рожью и хлебом. Оба одинаково материальны, и без рассказа событие бесполезно и несъедобно даже для того, кто это событие пережил, как несъедобна рожь для ее вырастившего, пока пекарь не испек из этой ржи хлеб».
Фридрих Горенштейн

Бывших одесситов не бывает. Подтверждений этой максиме тьма. И вот самый последний пример – книга известного израильского прозаика, члена ПЭН-клуба, Якова Шехтера выходит в его родном городе. Его прозе свойствен психологизм, одесская жовиальность и… мистицизм. Вот чего раньше не было в «одесском тексте», в южнорусской школе.
Евгений Голубовский

Яков Шехтер обладает даром чаровать. В его рассказах «просто слова» звучат звоночками «чудесного», заманивая и призывая заглянуть за грань будней.
Анна Мисюк

Романы, повести и рассказы Якова Шехтера публикуют в Израиле, США, Канаде, России и, конечно, в Одессе.

У писателя вышло 16 книг, его произведения переведены на иврит, английский, французский языки.

Я. Шехтер лауреат премии имени Юрия Нагибина, вручаемой СП Израиля за лучшую книгу прозы 2009 года, он вошел в длинный список «Русской премии» 2011 года.

За долгие годы писательской работы мне довелось услышать множество удивительных историй. Собеседники встречались разные: раввины, политики, люди искусства, инженеры, военные. Я копил их рассказы, точно скряга, собирающий золотые монеты, ведь сюжеты, сочиненные жизнью, иногда причудливее самой страстной выдумки.

Истории занимают всю ширину спектра достоверности, от затейливых побасенок до абсолютной правды; строго документальные, явно сочиненные, притчи, мемуары, анекдоты. Рассчитывая использовать их в своей работе, я выписывал наиболее интересные в отдельную тетрадку, разумеется, заменив беспорядочно-эмоциональное течение устной речи ровным дыханием прозы.

Предполагалось, что в дальнейшем я обовью эти рассказы фабулой, подобно тому, как раковина-жемчужница охватывает песчинку, и превращу в художественное произведение.

Увы, мои попытки закончились неудачей. Истории без

труда прокалывали фабульную ткань и выбирались наружу. Им было хорошо самим по себе, они жили вне литературного осмысливания, потому, что и без него уже являлись законченным произведением.

С годами таких «непокорившихся» рассказов набралось изрядное количество. Подобно скупому рыцарю, я долго не мог с ними расстаться, при свете трепещущего факела любуясь в одиночестве их дивным блеском, но после долгих колебаний все-таки решился распахнуть сундуки и вытащить сияющие сокровища на всеобщее обозрение.

Памятник матери

Записано со слов р. Элиягу-Йоханана Гурари, главного раввина города Холон.

Когда могильщик попросил родственников опознать тело перед погребением, сестры, стоявшие тесной кучкой, замерли. Нерешительно переглядываясь, они не могли сдвинуться с места. За последние дни в больнице мать сильно изменилась: щеки отекли, набухли мешки под глазами, кожа побагровела. Смерть наверняка совсем обезобразила лицо, и дочери боялись взглянуть на мать, желая сохранить ее в памяти с веселыми морщинками у глаз и ласковой улыбкой на губах, чуть тронутых помадой.

Берта, младшая из сестер, сжала зубы и пошла за похоронщиком. Оставшиеся молча глядели ей в спину, невольно оценивая новое черное платье и черную шляпку, чуть кокетливо сдвинутую набок. Она была еще совсем молода, значительно моложе сестер, и двигалась легко, чуть раскачиваясь, словно идя на очередное свидание. Личная жизнь Берты служила главной темой телефонных разговоров между старшей и средней сестрой, но сейчас – нет, сейчас об этом не подобало ни говорить, ни даже думать.

Умерла мать. Как все умирают, так и она умерла. Время пришло. Кого раньше, кого позже, забирает к себе Всевыш-

ний. Возвращает на небеса души человеческие, судить и проверять, что успели сделать за недолгий срок в мире тщеты и муки.

Полетела душа матери на суд, а дочери, отсидев семь траурных дней, принялись делить наследство. Согласно просвещенному мнению нотариусов и адвокатов, нет худшей беды, чем плохо составленное завещание. Сколько семей рассорили неудачные выражения, сколько обид и слез доставили детям неточные формулировки. Но в данном случае завещание было составлено однозначно и мудро. Единственное, что мать забыла указать: кому достанется ее кольцо, массивное кольцо с бриллиантами. Его никак не удавалось стащить, кольцо почти вросло в палец и не хотело оставлять хозяйку. Сестры решили было похоронить мать вместе с ним, но опытная обмывальщица из похоронного братства сумела каким-то образом разделить неразлучную пару.

Собственно, из-за этого кольца и поднялся сыр-бор. Берта во что бы то ни стало хотела его заполучить.

– Давай продадим кольцо, – предлагали рассудительные сестры, – а деньги разделим поровну. Так будет справедливо и правильно.

– Нет, – требовала Берта, – я хочу само кольцо. Такое, как оно есть.

Слово за слово, нравы крутые, нервы короткие – разругались сестры в пух и прах. Ведь вещица немалых денег стоила: массивный ободок из золота высшей пробы и брилли-

анты совсем не мелкие. Крупные, прямо скажем, бриллианты. Непонятно, как мать отважилась на столь дорогую покупку: ведь жизнь свою прожила она скромно, если не сказать – бедно.

Когда улеглись крики и осела пыль оскорблений, старшие сестры объявили младшей:

– Хочешь кольцо – откажись от своей доли в завещании.

– Но ведь это несправедливо! – возмутилась Берта. – Кольцо стоит гораздо меньше!

– Так не упрямься! Продадим его, а на вырученные деньги закажем роскошный надгробный памятник из настоящего итальянского мрамора,

Младшая сестра подумала и выбрала кольцо.

Получив желанное украшение, она поспешила к ювелиру. Тот счистил грязь, отполировал золото, и кольцо засияло, словно новенькое. Нечего сказать, красивая была вещица, не зря мать с ней не расставалась.

Уложив кольцо в коробочку, Берта отправилась в крупный ювелирный магазин на центральной улице.

– Я хочу поговорить с хозяином, – обратилась она к старшему продавцу.

– А по какому делу?

– По личному.

– Оставьте номер телефона, и мы обязательно свяжемся с вами, – уклончиво ответил продавец. Его лицо напоминало непроницаемую маску; ни одна живая эмоция не проби-

валась сквозь слой напускной вежливости.

– Я бы хотела увидеть его немедленно.

– Повторяю, – начал было продавец, но Берта вытащила из сумочки кольцо и положила на прилавок.

– Покажите ему вот это. И передайте, что я хочу поговорить с ним лично.

Продавец осторожно взял кольцо, повертел его перед глазами и спросил уже с настоящей вежливостью в голосе:

– Вы покупали это в нашем магазине?

– Да.

– Хотя столь дорогая вещь не могла пройти мимо меня незамеченной, честно говоря, я не помню этого кольца. Но полагаюсь на ваше слово и готов помочь. Что привело вас в наш магазин? Вы обнаружили скрытый дефект?

– Об этом я хочу поговорить с хозяином.

– Как вам будет угодно, – продавец вернул кольцо в коробочку, аккуратно закрыл и поставил на прилавок перед Бертой. – Одну минуту, я выясню, свободен ли он.

Хозяин магазина, плотный мужчина средних лет, с редеющими волосами и острым блеском живых глаз, встретил гостью у входа в кабинет.

– К вашим услугам, госпожа. Рад помочь столь уважаемой клиентке.

Берта положила коробочку на стол.

– Вы узнаете эту вещь?

Хозяин внимательно осмотрел кольцо и положил на поли-

рованную поверхность стола.

– Нет. Хотя мне знакомы изделия этого ювелира. Их действительно продавали в нашем магазине, но много-много лет тому назад. Сегодня в таком стиле никто не работает.

– Скажите, кому принадлежал магазин, когда в нем продавалось это кольцо?

– Моему отцу.

– Я бы хотела с ним поговорить.

– Увы, – хозяин развел руками. – Вот уже пять лет как отец беседует с ангелами, и речь, скорее всего, идет не об украшениях.

Младшая дочь тяжело вздохнула.

– Десять дней назад я похоронила мать.

– Искренне сочувствую вашему горю.

– Спасибо. Сейчас я расскажу вам кое-что и прошу, чтобы этот разговор остался между нами.

– Разумеется, – кивнул хозяин. – Но только если…

– Не волнуйтесь, – перебила его Берта. – Это касается лишь нас с вами.

– Нас с вами? – удивленно поднял брови хозяин.

– Да. И я еще раз прошу, нет, требую, чтобы разговор остался строго конфиденциальным.

– Хорошо, – согласился заинтригованный хозяин. – Если вы так настаиваете….

Младшая сестра тяжело вздохнула, опустила глаза вниз и, словно кидаясь головой в омут, быстро заговорила:

– Двадцать лет назад я вместе с матерью была в вашем магазине. Мы зашли просто посмотреть, о покупке речь никогда не заходила. Я была совсем ребенком, восьмилетней девочкой, и мать думала, что мое внимание поглощено рассматриванием украшений. Но я хорошо видела, как она ловко смахнула в рукав это самое кольцо. Вначале я не поняла, что происходит, но когда мы вышли из магазина и мать через два квартала надела кольцо на палец, до меня дошло.

Я была тихой, послушной девочкой, очень любила мать и не отважилась спросить, почему она… В общем, до конца своих дней мать была уверена, что я ничего не заметила.

Вот, – Берта тяжело перевела дыхание. – Кроме меня, об этом поступке не знает никто. Теперь… теперь я возвращаю вам кольцо. Я хочу, чтобы душа моей матери… – Берта запнулась. – Чтобы ее душа там, где она сейчас находится… В общем, чтобы ее не наказывали за этот поступок.

Хозяин взял со стола кольцо и снова поднес к глазам.

– Это очень дорогая вещь, – сказал он после минутного размышления. – Она была дорогой двадцать лет назад, а сегодня стоит куда больше. Вы уверены, что ваша мать украла ее в моем магазине?

Берта поморщилась.

– Ох, извините, – хозяин вернул кольцо в коробочку. – Вы уверены, что эта вещь принадлежала моему отцу?

– Абсолютно уверена. Все прошедшие годы, проходя мимо вашей витрины, я просила Всевышнего не наказывать

мою мамочку. Вы возьмете кольцо?

– Да, – решительно произнес хозяин. – Я возьму это кольцо и подарю его своей дочери. Может быть, она вырастет похожей на вас.

Он привстал, перегнулся через стол и почтительно прикоснулся губами к дрожащим пальцам младшей сестры.

Недогадливый праведник

Записано со слов раввина Иерахмиеля Горелика, Холон.

Человек, вошедший в комнату Бааль-Шем-Това, излучал довольство и уверенность. Его сюртук был сшит из самого дорогого сукна, хромовые сапоги сияли, да и сам он лоснился и блестел, точно новенький серебряный рубль.

– Ребе, – сказал человек, кладя на стул туго набитый мешочек. – Ребе, тут сто золотых. Раздайте их бедным или используйте по своему усмотрению.

– Спасибо, – ответил Бааль-Шем-Тов. – Но что привело тебя ко мне, Авигдор?

– Ребе знает мое имя, – воскликнул польщенный посетитель. – Это большая честь для меня!

– Так о чем ты хотел попросить? – повторил Бааль-Шем-Тов.

– Ни о чем, – быстро ответил Авигдор. – Просто пришел засвидетельствовать почтение уважаемому цадику.

– Что-нибудь не ладится с заработком? Или со здоровьем? А может, у тебя нет детей?

Авигдор смутился, удивленный недогадливостью праведника. А ведь о нем рассказывали, будто он видит не только прошлое человека, но будущее его детей.

«Пожалуйста, – подумал Авигдор. – Вот вам разница меж-

ду хасидскими байками и подлинным положением вещей».

– Спасибо, ребе, – вежливо ответил он, старясь говорить как можно более уважительным тоном. – Слава Б-гу, у меня все в полном порядке. Зарабатываю больше, чем могу потратить, жена – святая женщина, и к тому же красавица, шестеро здоровеньких почтительных детей. Чтоб не хуже, ребе, только чтоб не хуже.

– Подумай хорошенько, – настаивал праведник. – Может, ты забыл что-нибудь. Не спеши, подумай.

«А вдруг я и в самом деле о чем-то позабыл?» – испугался Авигдор и принялся лихорадочно перебирать в мыслях свои дела, здоровье жены, планы на замужество старшей дочери, учебу сыновей, здоровье, и снова – виды на будущие дела, ярмарки, договоры, поставщиков. Нет, все нормально складывалось, сочеталось, ладно двигалось, без скрипа и скрежета проворачивая невидимые колесики.

– Спасибо, ребе, – повторил Авигдор после долго молчания. – Благодарение Всевышнему, я ни в чем не нуждаюсь.

– Завидное качество, – одобрительно произнес Баль-Шем-Тов. – Но давай я все-таки напишу тебе небольшое благословение.

Он взял листок бумаги, окунул в чернильницу гусиное перо и быстро вывел несколько строк. Дал чернилам высохнуть, сложил листик вчетверо, еще что-то черкнул, снова подождал и – наконец! – передал почтительно ожидающему Авигдору.

– Носи этот листик в кармане сюртука. И да благословит тебя Господь.

Авигдор послушно сунул листик во внутренний карман, попрощался, вышел из комнаты и почти сразу забыл о благословении. Вдруг навалилось множество дел, хороших, выгодных, но весьма хлопотливых. К вечеру он так замотался, что утренний разговор с праведником попросту улетучился из его головы.

Прошли годы. Колесо фортуны совершило очередной поворот, и Авигдор разорился. Все пошло прахом: сбережения, мельницы, доходные дома, ткацкая фабричка, лесопилка, даже из собственного дома выкинули – продали за долги. От позора Авигдор увез семью из большого города. Как ходить по тем самым улицам, где он гордо разъезжал в роскошном экипаже, как ждать милости от людей, которые еще совсем недавно сами домогались его благосклонности?

Они поселились в небольшом местечке и какое-то время жили тем, что распродавали свою старую одежду. Старой ее только называли, на самом деле для евреев местечка она казалась новой и роскошной. Авигдор без конца рассылал письма бывшим деловым партнерам, предлагая планы совместных торговых операций. С его стороны в дело шли знания, опыт и смекалка, с их стороны – капитал для оборота. Но партнеры не спешили с ответом, доверить деньги только что разорившемуся человеку охотников не находилось.

Настал день, когда все было продано. Оставалось послед-

нее: идти на поклон к главе общины. Просить милостыню, стоять с протянутой рукой. Ему, Авигдору, который совсем еще недавно мог, не поморщившись, купить все это местечко вместе с банями и огородами!

Он колебался, но потухшие глаза жены и вытянувшиеся голодные лица детей не оставляли выбора. Авигдор снял с вешалки последний, единственный сюртук, надел, готовясь к выходу, и решил проверить карманы. Вдруг в них что-нибудь да завалилось. К его удивлению и радости, пальцы ощутили во внутреннем кармане какую-то бумажку.

«Сотенная!» – мелькнула радостная мысль. Когда-то ему ничего не стоило сунуть сотенную ассигнацию в карман и забыть о ней. О, как бы им сейчас пригодились эти сто рублей!

Но в его руке оказалась не сотенная, а вчетверо сложенный листок с надписью. Поднеся его к окошку, он с удивлением обнаружил следующую надпись: «Передать главе общины такого-то местечка реб Шае Шмиссеру».

Название местечка совпадало, а вот главой общины был совсем другой человек. Имя, указанное в записке, принадлежало члену совета, влиятельному и зажиточному человеку.

Пытаясь вспомнить, откуда могла взять в кармане эта записка, Авигдор повертел ее в руках и обнаружил на другой стороне подпись. Бааль-Шем-Тов! Имя уже умершего праведника! И тут он вспомнил и разговор, и предложение цадика, и свой гордый отказ. Но как он мог узнать, что Авигдор окажется в этом местечке? И что у него будет дело к главе

общины? Он замер, пораженный неожиданной мыслью.

Если цадик посылает к члену совета, значит, у главы общины его ожидает холодный прием. Что ж, он поступит так, как предписал Бааль-Шем-Тов.

Не говоря ни слова, он сунул записку поглубже в карман сюртука и отправился к реб Шае. Но там его поджидала неожиданность: жена Шмиссера рожала. Рожала уже полдня и никак не могла разродиться. Крики несчастной наполняли дом. Просить в такой ситуации о помощи было невозможно. И снова к Авигдору сама собой пришла неожиданная мысль.

– Передай хозяину, – сказал он служанке, – я принес ему письмо от самого Бааль-Шем-Това. Возможно, благословение цадика поможет его жене разрешиться от бремени.

Реб Шая вышел в прихожую с рассерженным видом.

– Что за глупости, – буркнул он. – Бааль-Шем-Тов давно умер. Как он мог написать мне письмо?

Авигдор молча протянул ему записку. Реб Шая прочел адрес, перевернул, посмотрел на подпись и в изумлении поднял глаза на гостя.

– Такого может быть, – еле выговорил он. – Я никогда не бывал в Меджибоже. Как праведник узнал о моем существовании? И откуда ему известно, что меня сегодня утром избрали главой общины?

Авигдор только подал плечами. Реб Шая развернул записку и стал читать.

– Уважаемый реб Шая. Податель сего письма, Авигдор,

был очень богатым и достойным человеком. Прошу вас оказать его семье всяческую поддержку. Пройдет немного времени, Авигдор снова разбогатеет и сможет оказать беднякам вашего местечка существенную помощь. В доказательство моих слов хочу указать вам, что скоро ваша жена родит сына. Назовите его Исроэлем.

Реб Шая остолбенел. Ему, конечно, доводилось слышать невероятные истории о праведниках и чудотворцах, но чудо никогда не приближалось к нему самому. И вот оно пришло, и стояло посреди комнаты, огромное и прекрасное, точно серебряная ханукия в синагоге.

Дверь распахнулась, и в прихожую вбежала служанка.

– Благодарите Б-га, реб Шая. У вас сын! Прекрасный, большой мальчик.

Прошло еще несколько лет. Авигдор вернулся к прежнему богатству и благополучию. Один раз в год, на пуримской трапезе, надев старый потертый сюртук, он изрядно прикладывался к рюмочке и, рассказывая эту историю, плакал навзрыд, заливая лацканы счастливыми слезами.

Случай в Кракове

Записано со слов р. Элиягу-Йоханана Гурари, главного раввина города Холон.

Эту историю я слышал от р. Элиягу-Йоханана, один из сыновей которого сегодня занимает должность раввина Кракова. Она произошла почти шестьсот лет назад, но память о ней жива до сих пор.

В те годы краковским воеводством управлял наследный принц Польши. Воеводство находилось в полной власти принца, и он мог чинить в нем все, что угодно его воле и желанию.

Жил в Казимеже – еврейском районе Кракова – один еврей. И так ему не хотелось быть евреем, что и не передать. Правда, до крещения дело не дошло. В наши дни он стал бы реформистом, а в те – просто жил, как придется, сменив имя, данное ему при обрезании, на более благозвучное – Зигмунд.

Под этим именем история его и запомнила. То есть в памяти веков он не удостоился остаться евреем, а вошел тем, кем хотел стать, – странной личностью с крючковатым носом и еврейским замашками, но с польским именем[1].

---

[1] Ребе Йосеф-Ицхак – Раяц – шестой ребе Любавической династии, в своих воспоминаниях приводит его имя – Шломо Зелигман.

И был этот Зигмунд не босяк и не растяпа, а большой человек, управляющий всеми землями наследного принца. И приглянулась ему одна разбитная разведенка, еврейская, разумеется, на польке Зигмунд, при всем своем конформизме, все-таки жениться не хотел.

Сговорились они между собой, и Зигмунд отправился к раввину Ицхаку – главному раввину Кракова. У него даже сомнений не было, что дело будет решено быстро, и вскоре он на законных основаниях поведет разведенку под высокий балдахин своей роскошной постели. Но не тут-то было, раввин ответил решительным отказом.

– Как? – выпучил глаза Зигмунд. – Почему?

– Да потому, – отрезал раввин, знававший еще деда Зигмунда, – что вы, уважаемый, ведете свой род от Аарона, брата Моше, учителя нашего. А значит, являетесь потомком священников, коэнов, которым жениться на разведенной женщине еврейский закон не разрешает.

– Знаю я ваш закон, – грубо заявил Зигмунд. – Всю юность, лучшие годы, над ним просидел. В нем на каждое «нет», есть двадцать пять оговорок. Вот и потрудитесь, любезнейший, отыскать одну из них и повести меня под хупу в самое ближайшее время.

– Увы, – развел руками раввин. – Как я могу разрешить то, что запретил сам Всевышний?

– А теперь ты меня послушай, – прошипел Зигмунд сквозь побелевшие от злости губы. – Ты, да, ты лично совер-

шишь обряд бракосочетания. И не далее, чем через два дня. Это я тебе говорю – Зигмунд!

Он круто повернулся на каблуках и вышел из комнаты. Спустя час Зигмунд уже разговаривал с принцем.

– Что за ерунда такая? – удивился принц. – Ну, не хочет человек быть священником. Почему же закон запрещает ему жениться на любимой женщине? Вот я, например, – принц приосанился, – должен стать королем Польши. Но ведь меня никто не заставляет принимать на себя бремя королевской короны. Могу и отказаться. И жениться тогда, на ком захочу!

Он шаловливо посмотрел на советников. На их лицах отразился неподдельный ужас. Еще бы, ведь вся их дальнейшая жизнь, карьера и благосостояние были связаны с будущим принца.

– Ладно, ладно, – усмехнулся принц. – Я пошутил. Но этот достойный человек, – он указал пальцем на Зигмунда, – несомненно, может самостоятельно решать свою судьбу, и никто не вправе стать между ним и любимой женщиной.

Принц подкрутил тоненькие усики и наморщил лоб.

– Пошлите Зигмунда к епископу, – приказал он секретарю. – Пусть его преосвященство встретится с раввином и найдет выход из положения. И пусть все будут довольны, – и принц королевским жестом завершил утреннюю аудиенцию.

Спор епископа с раввином продолжался целую ночь и закончился полным поражением его преосвященства. Епископ рассчитывал отыскать лазейку в виде какого-нибудь раввин-

ского постановления и объявить его недействительным на территории вверенной ему епархии. Но как назло, раввин все свои доводы подкреплял словами из Пятикнижия. Причем, для пущей убедительности он показывал их в Библии, напечатанной на польском языке. Раввинское постановление епископ отменил бы с легкостью, но пойти против прямых слов Библии он не мог.

Когда принцу доложили о результате спора, он пришел в ярость.

– Знать ничего не желаю! – кровь бросилась ему в лицо, а правый усик задергался. – Завтра утром собрать всех евреев на главной площади Казимежа, того, кто не захочет прийти сам – гнать плетьми. Плети не помогут – пустить в ход копья и мечи. Свадьбу проведет лично раввин. Лично, и громким голосом, чтобы каждое слово было слышно на всю площадь. И пусть только попробует не согласиться! – лицо принца искривила столь отвратительная гримаса, что дальнейшие слова не понадобились.

Утром следующего дня все евреи Кракова стояли на центральной площади. Посредине, огороженный столбиками с натянутыми между ними пурпурными шнурами, возвышался свадебный балдахин – хупа.

Раввина привели под руки. Его ноги почти не касались земли: два дюжих солдата, крепко взяв старика под локотки, опустили его прямо перед счастливой парочкой.

– Послушайте, – быстро произнес раввин. – Принц – гой,

инородец, не ведает, что творит. Но вы же евреи, вы должны понимать, что идете на прямое нарушение законов Торы. Отмените свадьбу, прошу вас.

– Кончай болтать, старик, – пренебрежительно произнес Зигмунд. – Делай свое дело.

Раввин закрыл глаза и взмолился. Он просил доброго и всемогущего Б-га не допустить позора, не дать двум сумасбродам с помощью нечестивцев публично унизить Тору Всевышнего Он просил о чуде. Просил яростно и страстно, хватая воздух пересохшим ртом.

И чудо произошло. С треском качнулась земля, и люди на площади завыли от ужаса. Раввин почувствовал, как почва уходит у него из-под ног, и отскочил. Зигмунд и невеста в белом платье тоже попытались броситься в сторону, но не успели. Прямо под ними разверзлась глубокая трещина, и парочка с дикими воплями упала вниз. Земля еще раз вздрогнула и трещина затворилась.

На площади стало тихо. Солдаты усиленно крестились, а епископ, наблюдавший за церемонией с балкона ближайшего дома, рухнул на колени и застыл в молитве.

С тех пор прошло три века. Место на площади, где произошла эта трагедия, до сих пор огорожено. Польские экскурсоводы, водя гостей по еврейскому кварталу, обязательно останавливаются возле ограды. Выслушав историю, туристы скептически усмехаются и спешат на осмотр других достопримечательностей Кракова.

Памятник отцу

Записано со слов р. Элиягу-Йоханана Гурари, главного раввина города Холон.

Когда приклады немецких винтовок забарабанили в створки ворот, Гитл крикнула Хаиму:

– Хватай ребенка и беги на задний двор. Я их задержу.

Хаим послушался жену автоматически, не думая. За пять лет, прошедшие со дня свадьбы, он привык прислушиваться к ее советам. Гитл никогда не настаивала на своем, не требовала, не скандалила. Каждое замечание выглядело как доброе пожелание, и Хаим почти всегда соглашался. Схватив в охапку четырехлетнего Мойшика, он хотел было возразить, что сам задержит полицаев и немцев, а убегать в лес через калитку в заборе должна Гитл, но что-то выключилось в нем, онемело, сдвинулось.

Мойшик обхватил его ручонками за шею, Хаим прижал сынишку к груди и помчался изо всех сил. Уже на опушке леса он услышал выстрелы, а потом, видя сквозь деревья сполохи огня, пляшущие над крышей их дома, гадал, что случилось с Гитл. Боялся признаться, боялся сказать себе правду.

Но непоправимое все-таки произошло. Ночью, привязав уснувшего сына к стволу дуба, он прокрался на пепелище. Угли еще тлели, и в багровом мерцании он увидел мертвую

Гитл, лежащую в обнимку с двухлетней Хани. Голова девочки неестественно свисала набок, и, присмотревшись, Хаим понял… нет, об этом лучше не вспоминать, не говорить, не думать.

Он не решился подойти к убитым. Два полицая, храпевшие неподалеку от пожарища, могли проснуться в любую минуту. Хаим молча постоял, слушая, как неистово колотится сердце, и тихонько скользнул обратно в темноту. Он оборачивался через каждые два шага, плохо понимая, куда идет и как. Слезы застили глаза, горло перехватило, словно чьи-то невидимые руки стиснули его под самым кадыком. Ни похоронить, ни проститься, ни глаза закрыть.

Он разбудил мальчика, взял его на руки и пошел. В этом лесу ему была знакома каждая тропка. Когда начало светать, Хаим постучался в окошко избушки лесничего.

– Кто там? – жестко спросил женский голос.

– Ванда, это я, Хаим.

– Какой еще Хаим?

Он назвал фамилию. Дверь заскрипела. Ванда стояла на пороге в ночной рубашке с двустволкой наперевес.

– Что случилось, Хаим?

– Гитл и Хани убили немцы, Я с Мойшиком убежал.

– Дева Мария! – Ванда поставила ружье на пол и взяла из рук Хаима дрожащего от холода ребенка.

– Бедный Мойшик! Ну, иди к тете Ванде, не бойся. Ты ведь меня помнишь?

Мойшик кивнул и заплакал.

– А где Чеслав? – спросил Хаим, тяжело усаживаясь на лавку.

– Два дня назад ушел в деревню, – ответила Ванда, закутывая ребенка одеялом, – и до сих пор нет. Думаю, сегодня вернется. Что ему там делать так долго?

Но лесничий Чеслав не вернулся. Его застрелил пьяный полицай. Застрелил просто так, вспомнив старую, казалось бы, давно забытую обиду.

Ванда выкопала в хлеву яму, прикрыла ее досками, забросала навозом, и под его защитой Хаим с Мойшиком провели три долгих года. Патрули несколько раз забредали на хутор, но Ванда всегда держала наготове самогонку, а копаться в навозе захмелевшим полицаям не хотелось.

Горе и голод сближают людей сильнее, чем достаток и радость. После того, как Красная армия выбила немцев из Польши, Хаим женился на Ванде и переехал с ней и Мойшиком в Варшаву. Спустя год у них родился сын, Вацлав.

Хуже-лучше, Хаим и Ванда прожили в столице немало лет. Когда антисемитские речи безумного Гомулки сделали существование евреев на польской земле невозможным, пришлось собираться в дальние края. Семья разделилась: Моше, уже юноша, отправился на Святую Землю, Хаим вместе с женой-полькой и сыном уехали в Нью-Йорк.

Прошли годы. Моше отслужил в армии, был ранен во время Шестидневной войны, окончил университет, вернулся к

вере предков, женился на религиозной девушке, поднял трех сыновей и двух дочек. Хаим преуспел в стране неограниченных возможностей: под старость он владел сетью бензоколонок, и нищая жизнь в маленьком польском местечка стала казаться ему придуманной, вычитанной в старой книжке. С Вандой он никогда не ссорился, она была ему хорошей женой, а Вацлав, управляющий бензоколонками, почтительным сыном.

Связь с отцом Моше поддерживал в основном по телефону. Несколько раз он приезжал в Нью-Йорк, показать дедушке внуков, а внукам Америку. Его отношения с Вацлавом не сложились, нет, они не враждовали и не ругались, внешне все выглядело весьма корректно, но ни тепла, ни родственной близости так и не возникло.

На похороны Ванды Моше не приехал, ограничился телеграммой с соболезнованием и телефонным звонком. Годы, проведенные в яме, почти изгладились из его памяти. Он смутно помнил холодные ночи, помнил, как Ванда приносила им чугунок с углями, и отец накрывал его одеялом вместе с чугунком. Голове становилось нестерпимо жарко, а ноги по-прежнему терзал мороз. И вонь… навозная вонь, казалось, навсегда впиталась в его кожу. Моше не жалел денег на дорогие одеколоны, и, хоть по еврейскому закону мужчинам не подобает благоухать, подобно женщинам, этот параграф он не выполнял.

Когда жарким январским полуднем в телефонной трубке

раздался голос Вацлава, Моше не удивился. Он давно ждал этого звонка и был готов к неизбежному.

– Отец умирает, – прямо объявил Вацлав. – Врачи сказали – остались считанные часы. Приезжай.

Моше не успел, Вацлав позвонил слишком поздно. Когда же Моше попросил отвезти его в морг, взглянуть на отца, Вацлав возразил:

– У нас так не принято. Через два дня, на похоронах, ты его увидишь. Так будет лучше. Для тебя. Ты даже не представляешь, как обезобразила отца болезнь. А в морге его приведут в прежний вид.

– Что значит – приведут? – не понял Моше.

– У них есть специальные косметические средства, – пояснил Вацлав. – Ведь мертвые не чувствуют боли. Я оставил им старую фотографию отца, и они сделают так, чтобы все стало по-прежнему.

– Зачем? – удивился Моше. – И для чего ждать два дня?

– У отца была большая компания, много служащих. На похороны соберутся сотни людей. Придут отдать последнюю дань уважения. Поэтому он должен выглядеть достойно. Так у нас принято.

– Понятно. А вот у нас принято хоронить как можно быстрее, и не показывать покойника тем, кто пришел проститься.

– Ну, – развел руками Вацлав, – в каждой стране свои обычаи и обряды.

– Послушай, – вдруг сообразил Моше, – а на каком клад-

бище будут хоронить отца?

– Что значит – на каком? – пришла очередь удивляться Вацлаву. – Его положат рядом с женой, моей мамой. Разве может быть иначе?!

– А-а… – закашлялся Моше, – разве она лежит на еврейском кладбище?

– Конечно, нет! Она похоронена на общем, христианском.

– Но отец – еврей, и должен лежать на еврейском.

– Кому должен? – нахмурился Вацлав. – Он давно расплатился со всеми долгами. Если он кому и должен, то моей матери, которая спасла его от рук нацистов. И тебя, кстати, тоже.

– Верно, – согласился Моше. – Я всегда помню, кому обязан жизнью. Портрет твоей мамы висит у меня в гостиной на самом почетном месте. Я детям о ней рассказал, и надеюсь, внукам тоже доведется. Но все-таки…

– Давай вернемся к этой теме чуть позже, – перебил его Вацлав. – Нас ждет нотариус.

– Нотариус? Для чего?

– Отец оставил завещание, и нотариус обязан нас с ним познакомить.

– Но почему сейчас? Разве нельзя подождать, хотя бы до окончания похорон?

– Так у нас принято. С завещанием не тянут. Мало ли что там написано. Вдруг окажется, что отец оставил все имущество еврейскому благотворительному фонду или христиан-

ской Армии спасения, и мы не имеем права пользоваться доходами от его предприятий даже один день.

В большом холле солидного офиса Моше увидел в зеркале себя рядом с Вацлавом. Все-таки они походили друг на друга. И хоть тонкие черты лица Вацлава напоминали рыжеволосую красавицу-мать, но кряжистая фигура и манера двигаться – явное наследство отца – были у них с Моше одинаковыми.

В завещании не оказалось ни слова о благотворительных фондах или Армии спасения. Две трети состоянии отец передал Вацлаву и одну треть – Моше.

«Справедливо, – подумал Моше. – Ведь Вацлав вместе с отцом создавал эту сеть бензоколонок, управлял ею, вкладывал силы и душу. А я… я был занят своими делами за много тысяч километров отсюда. Даже звонил всего раз в три-четыре месяца».

– Ты знаешь, во сколько оценивается твоя доля наследства? – спросил Вацлав, кода они, выйдя из кабинета нотариуса, медленно спускались по заснеженной лестнице.

– Понятия не имею. Наверное, несколько сот тысяч долларов, – осторожно предположил Моше.

– Сот тысяч, – усмехнулся Вацлав. – Когда у тебя рейс обратно?

– Через десять дней, – ответил Моше. – Отсижу семь дней траура и домой.

– Ты ведь туристским классом прилетел? – продолжал

расспросы Вацлав.

– Конечно, туристским.

– Ну, так позвони и обменяй на бизнес-класс. Теперь ты можешь себе ни в чем не отказывать.

– Что, так много? – испугался Моше.

– Много? Денег никогда не бывает много. Но десять-двенадцать миллионов ты получишь. Точную сумму мы узнаем после адвокатской оценки. Я уже обратился в надежную контору, и ребята приступили к работе.

– Десять миллионов долларов? – не веря своим ушам, переспросил Моше. Сумма казалась астрономически немыслимой. В его голове сразу завертелись мысли о том, как лучше использовать деньги. Ну, первым делом – десять процентов на цдаку – благотворительность. Вот миллиона и нет. Потом купить квартиры всем детям, заплатить за образование младших, оставить на учебу внуков, свозить жену в Польшу, показать местечко, кладбище, могилы предков под замшелыми плитами с глубоко высеченными магендавидами, сходить в лес, может, удастся отыскать ту самую яму. А бизнес-класс – смешно – конечно он не станет менять билет, ему есть на что тратить отцовское наследство.

Моше отвели уютную комнату в двухэтажном особняке Вацлава. Его жена, стройная блондинка, как две капли воды похожая на фотомодель с рекламного плаката, не знала, как угодить гостю. Дети Вацлава очень почтительно и вежливо поздоровались с израильским дядей. В доме все сияло

чистотой, царили тишина и порядок. Моше с раздражением вспомнил беспрерывные крики, наполняющие его квартиру. Кричали все: жена, дети, внуки, кричал он сам. Иногда – в сердцах, но чаще – просто так, по привычке.

«Надо будет обязательно сменить стиль общения, – подумал Моше. – Поговорить с женой, объяснить детям, приказать внукам».

Подумал и тут же вспомнил, что каждый раз после поездки за границу давал себе подобное обещание и благополучно забывал о нем спустя несколько дней после возвращения.

«Ближний Восток! Другой национальный характер, иная почва и влажность, иные обычаи».

Кстати, про обычаи. Он уселся возле телефона и набрал номер раввина своего городка. В Израиле было уже за полночь, но раввин, насколько знал Моше, никогда не ложился спать раньше двух часов ночи.

– На христианском кладбище?! – охнул раввин, выслушав рассказ Моше. – Ни за что! Ты должен сделать все, чтобы этого не допустить. Понимаешь, все возможные усилия и все имеющиеся в твоем распоряжении средства. По сути, это твоя последняя возможность выполнить заповедь почитания родителей. Может, главная, единственная возможность.

– Так говорит закон? – уточнил Моше.

– Сейчас, я почитаю тебе нужное место, – раввин зашелестел страницами. Их шорох, передаваемый несущимися через космос электронами, отчетливо был слышен в тишине

дома Вацлава.

Выхода не было. Закон однозначно требовал приложить любые усилия, но похоронить еврея на еврейском кладбище. Завтра предстоял тяжелый разговор с Вацлавом.

Предчувствие не обмануло.

– Я не понимаю твоего требования, – повторял Вацлав, расхаживая по комнате. Он сдерживался изо всех сил, но раздражение, нет-нет, да прорывалось – в неровном изгибе рта или резких движениях рук.

– Нет, не подумай, к религии я отношусь с величайшим почтением, но посуди сам: отец прожил всю жизнь атеистом. Он никогда не ходил в синагогу, не соблюдал праздников, не ел эту, как ее…

– Кошерную, – подсказал Моше.

– Да, не ел кошерную пищу. Отец всю жизнь провел бок о бок с матерью, в этом выражалась его воля, проявилось его желание. Почему после смерти они должны разлучиться? Только потому, что ты приехал и требуешь?

– Закон, – отмахивался Вацлав от возражений Моше. – Какой еще закон? Где был этот закон, когда всю семью моего отца перерезали, как цыплят? Да что семью отца, все местечко уничтожили, спаслись только вы двое.

– Я вот что тебе скажу, – Вацлав сел на диван рядом с Моше. – Мы ведь с тобой как-никак братья и можем говорить друг с другом откровенно.

Моше кивнул.

– Сам посуди, – продолжил Вацлав. – Ты уедешь через десять дней, и кто знает, попадешь ли еще когда-нибудь на могилу отца. Ухаживать за ней придется мне, приходить в день смерти, прибирать или платить за уборку, заказывать поминальные молитвы, в общем, делать все, что полагается. Я этим буду заниматься, понимаешь, – я, а не ты. К тому же, я обязан делать то же самое с могилой матери. Ты, похоже, хочешь заставить меня всю жизнь разрываться между двумя кладбищами. Почему, на каком основании?

– Закон, – только и смог ответить Моше. – Закон так требует.

– Закон, говоришь, – Вацлав поднялся с дивана. – Хорошо, давай поступим по закону. Обратимся к мировому судье. Ты изложишь свою точку зрения, я свою, а судья решит, как поступить.

– Я бы лучше пошел к раввину, – начал было Моше, но Вацлав жестко оборвал его:

– Нет уж! Я ведь тоже могу потребовать мнение ксендза. Мы тут, в Америке, привыкли подчиняться гражданскому закону. Вот к его представителю давай и обратимся.

– Но ведь это займет уйму времени, – возразил Моше, вспомнив бесконечно длящиеся судебные процессы в Израиле.

– Об этом можешь не беспокоиться, – усмехнулся Вацлав. – Мировой судья нашего округа – мой партнер в теннисном клубе.

Через три часа Вацлав и Моше предстали перед судьей. Тот внимательно выслушал обе стороны, задал несколько вопросов, сосредоточенно поразмышлял минут десять и принялся диктовать секретарше решение. Тело покойного надлежало кремировать, пепел разделить на две равные части, одну из которых захоронить на христианском кладбище, а вторую на еврейском.

– Соломон чертов, – вне себя от злости бормотал Моше, разглядывая решение судьи. – Что теперь с этим делать?

Вацлав же выглядел полностью удовлетворенным. Решение судьи представлялось ему мудрым и объективным. В кремации он не видел ничего дурного, и когда Моше решительно возразил, он от удивления даже приоткрыл рот.

Впрочем, удивление тут же сменилось жестким поджатием губ. Вацлав заговорил решительным, не допускающим возражений тоном, каким, он, наверное, изъяснялся со служащими своей компании. От формальных родственных чувств не осталось и следа.

– Я вижу, братец, ты хочешь, чтобы все было только потвоему. Без малейших компромиссов. Хорошо, я готов тебе уступить. Но только в одном-единственном случае.

Вацлав на секунду замолк, вперил тяжелый взгляд в переносицу Моше и продолжил:

– Если ты поедешь со мной к адвокату и письменно откажешься в мою пользу от причитающейся тебе доли наследства.

Спустя десять дней Моше пересекал океан. По какой-то случайности на борту авиалайнера не оказалось заказанной для него кошерной порции, и ему пришлось лететь голодным. Разглядывая белые глыбы облаков, клубящиеся под крылом, он думал об отце, о законе, о деньгах. Про наследство Моше решил умолчать. В конце концов, на него никто не рассчитывал. Ну, и кроме того, что-то он все-таки привезет. Вацлав, прощаясь, сунул в карман Моше чек. Он обнаружил его, проходя контроль. Чек на пятьдесят тысяч долларов. Конечно, не десять миллионов, но тоже сумма немалая. Зато отец лежит на еврейском кладбище, и в головах стоит плита не с крестом, а с магендавидом. Таким же самым магендавидом, под которым покоятся его предки на заброшенном кладбище крохотного польского местечка. Таким же, под которым ляжет и он, Моше, когда время придет, под которым упокоятся его дети, и внуки. И разорвать эту цепь не смогут никакие миллионы долларов.

Треба знаты, як гуляты

Записано со слов раввина Нусана Станиевского, Реховот.

Лет сто пятьдесят тому назад жили в небольшом белорусском местечке два друга – Рувен и Янкл. Сидели на одной лавке в хедере, женились в одном и том же году, места в синагоге тоже были рядом. Но Рувен преуспел в деловых комбинациях и разбогател, а Янкл остался нищим. Много раз Рувен предлагал другу помощь: купить новый дом, дать денег на корову, справить обновки детям и жене. Но Янкл каждый раз отказывался.

– Написано в наших книгах, – повторял он, – счастлив ненавидящий подарки. Всевышний дает мне все необходимое, и если не посылает большего, значит, я в нем не нуждаюсь.

– Ты, может быть, и не нуждаешься, – возражал Рувен, – но вот твоя жена и дети были бы очень рады новым туфлям или платью.

– С Б-жьей помощью, – отвечал Янкл.

Когда пришло время выдавать замуж дочерей, Янкл оказался в сложном положении. Для свадеб и приданого нужны деньги, много денег, а взять их было неоткуда. И тут Рувену пришла в голову блестящая мысль.

Перво-наперво он уговорил Янкла поехать за советом к

ребе из Александрова. Ну, если уже поехал, взять с собой жену и дочерей, чтобы попросить у ребе благословения. Вместе с семьей Янкла Рувен послал и трех своих девочек и под этим предлогом дал денег на всю поездку.

Янкл отсутствовал два дня, и за это время Рувен осуществил свой план. Он знал, что в самом дальнем ящике комода у Янкла запрятаны золотые часы его отца, единственная дорогая вещь в доме, с помощью которой он наделся справить свадьбу старшей дочери. Рувен пригласил двух кошерных свидетелей – габая синагоги и шойхета, пришел с ними ночью к пустому дому Янкла и сказал:

– Сейчас я разобью стекло, заберусь в дом и украду золотые часы.

Свидетели посмотрели на Рувена, как на сумасшедшего.

– Мой план состоит вот в чем, – поспешил объяснить Рувен, – когда станет известно о краже, вы заявите в суде, что видели вора. Меня заставят вернуть часы Янклу и добавят штраф в размере стоимости часов. Я заплачу оценщику, чтобы он завысил в десять раз эту стоимость, и таким образом наш гордец будет вынужден взять у меня несколько тысяч рублей, которых ему хватит на приданое дочерям!

Шойхет и габай поразились хитроумности Рувена и праведности его намерений. Человек приносил себя в жертву, становился вором, и все для того, чтобы помочь другому еврею.

– Честь тебе и хвала! – вскричали они хором, пожимая

руку Рувену. – Хвала и честь!

Рувен разбил стекло, залез в дом, взял часы, выбрался наружу и показал их свидетелям.

Когда Янкл вернулся из поездки, то сразу обнаружил пропажу. Ведь Рувен оставил открытым ящик комода, да еще выбросил наружу все его содержимое.

Расстроенный Янкл пришел к раввину местечка.

– Ребе, что теперь делать? Последнюю надежду погубил проклятый вор.

Ребе собрал суд, бейт-дин, и он постановил: каждый, кому известно, что-либо о пропаже часов, обязан явиться в суд и рассказать. Шойхет и габай тут же пришли к раввину.

– Часы взял Рувен, – заявили свидетели.

– Наш Рувен? – не поверил своим ушам раввин.

– Да, наш, – подтвердил габай. – Тот самый, с бородой и пейсами, в большой шляпе и сюртуке, с цицит до колен. Друг Янкла.

– Не может такого быть! – воскликнул раввин.

– Может, – стояли на своем свидетели.

Вызвали Рувена. Он явился радостный, с толстым кошельком, едва умещавшимся в кармане. Тут же признал свою вину, выложил на стол перед судьями часы и представил письмо оценщика, которому собирался их продать.

– Неужели эти часы так много стоят? – с сомнением покачал головой раввин.

– Стоят, стоят! – воскликнул Рувен. – Это редкие, дорогие

часы с инкрустацией ручной работы.

Не понимая, чему так радуется вор, судьи вынесли решение, и Рувен тут же отсчитал штраф. Многие из присутствующих первый раз в жизни видели такое количество денег.

Янкл выдал дочерей замуж, купил новый дом и открыл магазинчик, с помощью которого выбился, наконец, из безжалостных лап нищеты. Шойхет и габай, спустя некоторое время, объяснили Янклу и всей общине причину странного поступка Рувена, и отношения между ними остались прежними.

Прошли годы, и Рувен умер. Оказавшись перед небесным судом, он тщательно пересмотрел предъявленные ему списки заслуг и прегрешений. К величайшему удивлению, списки сильно расходились с теми, которые он ожидал увидеть. Больше всего его поразило то, что история с часами вовсе не была упомянута среди хороших поступков.

– Как же так? – удивился Рувен. – Ведь благодаря этому Янкл и его семья были спасены от нищеты.

Однако судьи оставили вопрос без внимания. Но самым обидным показалось Рувену наказание за воровство.

– Я – вор? – поперхнулся он, услышав решение суда. – Да я в жизни своей чужой копейки не взял!

– А часы? – сурово спросил Обвинитель.

– Но это же понарошку! – возмутился Рувен. – Чтобы помочь, для пользы Янкла.

– Для пользы или нет, но ты украл эти часы, – заключил

прокурор – и за воровство тебе полагается соответствующее наказание.

Плачущий Рувен явился во сне к Янклу и попросил его заступничества на небесном суде. Янкл рассказал свой сон раввину. Продолжение истории скрыла от нас шершавая завеса времени.

О времени и о себе

Записано со слов раввина Носона Вайнфельда, Реховот.

Поговорим о времени. О той вездесущей, окружающей нас, словно воздух, субстанции, незаметно, но всевластно пронизывающей человеческое существование. Существует ли еврейская концепция времени, и как с ее точки зрения выглядит годовой цикл?

Вот Авраам, сделавший себе обрезание, сидит жарким днем у входа в шатер. Вдали появляются три кочевника, и Авраам, превозмогая боль, спешит к ним навстречу, усаживает их в тени и подает трапезу – кормит кочевников мацой. Раши, рабейну Шломо Ицхаки, великий комментатор Писания, объясняя это, пишет: ведь был Пейсах, и Авраам соблюдал его законы.

Понятное дело, разве в доме прародителя еврейского народа мог оказаться в Пейсах хлеб? Но непонятно другое, ведь не было еще ни еврейского народа, ни египетского рабства, ни десяти казней, ни пасхальной жертвы, ни Исхода. О какой же маце идет речь, и про какой Пейсах пишет Раши, ведь все эти события произошли спустя три столетия после встречи Авраама с кочевниками?

В маленьком замечании Раши скрыт намек на еврейскую концепцию времени. Вернее, не намек, а напоминание. Но

то, что было простым и понятным тысячу лет назад, сегодня кажется сложным и требует разъяснения.

Используя понятия нынешнего времени, годовой цикл можно сравнить с кольцевой линией Московского метрополитена. Поезд движется по кругу, каждый круг – это год. Подобно тому, как на узловых станциях в вагоны заходит разная публика – то спортсмены, то студенты, то приезжие, так и в разные времена года в мир вбрасывается разное влияние. Есть станция – время Освобождения, станция – время Радости, станция – время Печали, время получения духовного Богатства, время Удачного ведения дел. Исход евреев из Египта произошел потому, что наступило время благоприятное для Освобождения, а не наоборот. Это время существовало и при Аврааме, и наш праотец-пророк соблюдал его законы, хотя само событие, давшее ему название для грядущих поколений, еще не произошло.

Человек, понимающий, на каком отрезке времени он находится, знает, как нужно себя вести в каждой конкретной ситуации. В качестве иллюстрации я расскажу историю, случившуюся много лет назад с Рамбамом – великим Маймонидом, ученым, врачом и философом.

Большую часть жизни Рамбам прожил в Каире, и долгие годы был личным врачом и советником султана. Рабочий день советника начинался на рассвете: после утренней молитвы Рамбам спешил во дворец. Евреи и неевреи, ищущие его совета и помощи, выстраивались вдоль улиц, по которым

он проходил. Рамбам на секунду останавливался возле каждого и заглядывал в глаза. Этого ему было достаточно для определения диагноза. Сегодня способ диагностики заболеваний по состоянию зрачка считается одним из самых передовых, но Рамбаму он был хорошо известен.

Если он знал, как помочь больному, то объяснял ему, как приготовить лекарство или какой способ применить для спасения от хвори. Если же не знал – молча шел дальше.

Как-то утром Рамбам задержался возле одного пациента немного больше обычного.

– Вам не нужна моя помощь, – наконец произнес он. – Вы совершенно здоровы.

– Но учитель, – вскричал пациент, – я не могу ни есть, ни спать!

Рамбам еще раз внимательно оглядел его.

– Я не нахожу у вас никакого недомогания, – повторил он спустя минуту. – Расскажите, что с вами происходит.

– Я меламед из небольшого городка под Каиром. Многие годы зарабатывал на хлеб, хоть тяжело, но достойно. Но за последнее время в наш городок перебрались трое других меламедов, и они отбили у меня весь заработок. Я не могу есть, потому, что остался без работы, и не могу спать из-за бесконечных жалоб жены.

– Вот вам мой совет, – сказал Рамбам. – Возьмите тыкву, заверните ее хорошенько в ткань, и запрячьте в самом дальнем углу подвала. Если вы сумеете хорошо ее сохранить, она

принесет вам богатство.

Не чуя под собой ног, помчался меламед домой, купил на рынке самую красивую, самую большую тыкву, тщательно укутал в свой субботний халат и спрятал в подвале. Несколько месяцев подряд он каждый день проверял тыкву. Честно говоря, он ожидал чуда: из тыквы начнут сыпаться пиастры или она превратится в золотой слиток или еще что-нибудь в таком духе. Но ничего не происходило, тыква оставалась тыквой, и меламед начал подозревать, что Рамбам попросту отделался от него, дав такой странный совет.

Наступила зима, и султан тяжело заболел. Каких только снадобий не применяли врачи, чего только не пробовали – все без толку. Наконец пригласили главного врача – Рамбама. Он осмотрел султана, поставил диагноз и назначил лечение. Для приготовления лекарства требовалась свежая тыква. Не сушеная, а свежая, сочная, крепкая тыква. Но где взять такую посреди зимы? Разослали гонцов по рынкам, обошли всех зеленщиков. Увы, того, что требовалось, не сумели отыскать. Тогда визирь повелел огласить на площадях всех городов Египта приказ султана: тот, у кого есть свежая тыква, обязан доставить ее во дворец. А тому, кто ослушается – секир-башка!

Вытащил меламед из подвала свою тыкву и отвез ее в Каир. Из нее приготовили лекарство, и султан через три дня полностью выздоровел. В честь чудесного спасения от болезни он закатил роскошный пир и пригласил на него меламеда.

Посреди пира, благостный после вина и кальяна, подозвал меламеда всемогущий властитель Египта и милостиво промолвил:

– Проси, чего хочешь.

– О светлейший султан, – пролепетал меламед, – одного я прошу, прикажи, чтобы в моем городке право обучения детей было только у меня одного.

Султан нахмурил брови.

– У меня сегодня хорошее настроение, – сказал он меламеду. – Я хочу награждать своих поданных, а ты просишь их наказывать. Если я выполню эту просьбу, все учителя в твоем городке останутся без работы.

Меламед открыл было рот, но визирь сделал знак, и слуги тут же подхватили его под руки.

– Все, – подумал меламед, – сейчас потащат в подвал, шнурок на шею, и конец.

Но слуги вежливо проводили его на свое место и оставили в покое.

На следующее утро меламед снова стоял на улице, поджидая Рамбама. Выслушав его рассказ, тот огорченно покрутил головой.

– Глупец! У султана было хорошее настроение, ты мог попросить десять тысяч пиастров, открыть на них большой хейдер и нанять всех меламедов твоего городка.

– Что же теперь делать, ребе? – вскричал меламед.

– Подожди год. Когда султан устроит благодарственный

пир в память своего выздоровления, явись во дворец и напомни, что не получил награду за тыкву.

Меламед так и сделал и был щедро вознагражден.

Нищета как выбор

Записано со слов раввина Довида Гурари, Холон.

– Вчера моя мать оказалась по делам в Бней-Браке, – начал раввин свой рассказ. – Проходя по улице, она увидела возле пекарни ультраортодоксальную женщину, которая рылась в мусорном баке, куда выкидывают подгоревшие халы и булочки. Нет, она не походила на опустившегося по той или иной причине человека. На ее лице не были заметны следы пьянства или иной порочной страсти. Женщина была опрятно одета, и в ее движениях проглядывало достоинство.

Жалость сжала сердце моей матери. Она вытащила все, что было у нее в кошельке – несколько сотен шекелей – и предложила их женщине. К величайшему удивлению, та отказалась.

– Мы не хотим зависеть от людских милостей, – вежливо, но очень твердо произнесла женщина. – Если Всевышний решил сделать нас нищими – значит, мы будем нищими.

– Но, может быть, – возразила моя мать, – Всевышний послал меня сегодня в Бней-Брак именно для того, чтобы я помогла вам купить все необходимое для субботы!

– Нет, – покачала головой женщина. – Если Он захочет послать нам средства к существованию, пусть сделает это через моего мужа. Найдет ему достойную работу или какой-нибудь

другой заработок. Коль скоро Он так не поступает, следовательно, Его воля пока держать нас в нищете.

Она выделила слово «пока» и мать поняла, что женщина роется в мусорном ящике не из-за слабости характера, лени или распущенности, а с четким осознанием своей судьбы и полным смирением перед выпавшей долей. Более того, она пыталась делать это с радостью, принимая решение Творца, каким бы тяжелым оно ни казалось.

Мать еще несколько минут пробовала уговорить ее взять деньги, но, увидев тщетность своих попыток, пожелала счастливой субботы и ушла.

– О таких людях, – продолжил раввин, – мы только читали в старых книжках. В наше время столь сильные вера и самоотверженность почти не встречаются. Бней-Брак переполнен благотворительными обществами всякого рода. Есть организации, доставляющие медицинское оборудование для больных, разумеется, совершенно бесплатно. Есть раздающие одежду, мебель – пусть не новую, но вполне пригодную для использования – книги, зонтики, обувь, даже соски для младенцев.

– А соски-то зачем, – удивился я. – Разве в наше время кто-то станет давать своему ребенку поношенную соску?

– Конечно, нет, – улыбнулся раввин. – Речь идет про субботу. Предположим, у вас потерялась соска, и запасная тоже куда-то задевалась. Где вы будет в святой день искать новую? Магазины-то закрыты! И даже если бы они были открыты,

кто станет покупать в субботу?

Так вот, есть в Бней-Браке несколько семей, которые держат большой запас новых – в упаковке – сосок разного вида, и если вашему младенцу понадобится новая соска в святой день, вы можете прийти и взять. С тем, разумеется, чтобы потом вернуть новую соску, вместо полученной.

Человека, которому нечего есть, ищут по всему Бней-Браку не одна и не пять организаций, не считая сотен евреев, мечтающих помочь нуждающемуся еврею. Стоит только заикнуться, что у тебя нет еды на субботу, как немедленно привезут и халы, и вино, и фаршированную рыбу, и кугл, и чолнт, и печенье, да еще в таком количестве, что придется доедать все это до следующей субботы. Отказаться от щедрой и совершенно бескорыстной помощи – это сознательное решение, требующее большого мужества и большой веры.

Хасиды рассказывают знаменитую историю о современниках Бааль-Шем-Това, которая сегодня кажется придуманной. Ей место на страницах детских книжек, с историями про чудеса праведников. В нынешнем мире большинство людей, даже очень хороших и правильных, совершенно не стесняются пользоваться помощью благотворительных организаций и не считают это чем-либо зазорным.

Итак, произошло это не в Бней-Браке, а в маленьком украинском местечке Меджибож, о котором в еврейском фольклоре бытует столько рассказов, что можно подумать, будто речь идет о большом городе с миллионным населением.

В крохотном домике на окраине Меджибожа жили реб Гейче и его жена Стерна. Жили очень и очень бедно, впроголодь. Одежда – заплата на заплате, обед – кусок черного хлеба, луковица да щепотка соли. Самое великое пиршество Стерна устраивала в шабес, когда на столе появлялся кугл – запеканка из лапши с гусиным жиром. На самого гуся денег никогда не хватало.

– Уф, – отдувался реб Гейче, отваливаясь от стола, после трех кусков кугла. Больше он не мог съесть: желудок, не привыкший к еде, отказывался принимать так много пищи.

– Я чувствую себя царем Соломоном на пиру с царицей Савской! – восклицал реб Гейче, признательно посматривая на жену. – Какое изысканное блюдо, какие дивные ароматы!

Стерна благодарно улыбалась, и не было в тот миг никого счастливее во всем Меджибоже.

Стерна во всем поддерживала мужа. И в том, что другим казалось странным, она тоже всецело следовала за ним. А странным окружающим казалось вот что: как бы тяжело ни складывались обстоятельства, реб Гейче никогда и ни у кого не брал ни единого гроша.

В начале их супружеской жизни такая убежденность не вызывала у молодой жены удивления: Гейче, тогда еще совсем не реб, а молодой парень с курчавой бородкой, неплохо зарабатывал. У него была бондарная мастерская – покосившийся сарай, в котором он собственноручно изготавливал бочки. Бочки для соленых огурцов, и кадушки для капу-

сты, бочонки для грибов, бочки для воды и вина, бочаги для пива – да мало ли для чего может понадобиться в хозяйстве хорошая бочка.

Под хупой – благодаря щедрым подаркам жениха – Стерна стояла расфуфыренная, что твоя барыня. Жених сиял, точно звезда, и казалось, они всегда останутся таким молодыми и счастливыми. Но с годами дела у Гейче шли все хуже и хуже. В Меджибоже появились более ловкие бондари, работавшие и быстрее, и качественнее. От его бочек постепенно все отказались, ему пришлось забросить бочажное дело и промышлять случайными заработками

Но от своего принципа – не зависеть от милостей людских – реб Гейче не отказывался ни в сытые дни, ни когда над его головой сгустились облака суровой нищеты.

Довольно часто ему с женой и детьми приходилось засыпать голодными. В доме стало пусто, все ценное потихоньку продали и проели, от голых стен и холодной печи веяло холодом и скукой. Но реб Гейче и Стерна не унывали, и надеялись на Всевышнего с теми же теплотой и уверенностью, с какими прославляли Его в счастливые годы благополучия.

Как-то раз реб Гейче совершенно не повезло с заработком. В пятницу после полудня он, понурившись, вернулся домой и на вопросительный взгляд жены лишь вздохнул, сокрушенно и горестно.

– Эту субботу мы останемся голодными, Стерна, – сказал он и снова тяжело вздохнул.

– Но, Гейче, в шабес нельзя поститься, Гейче! – вскричала Стерна.

– А кто тебе сказал, что мы будем поститься? – удивился реб Гейче. – Слава Б-гу, за воду из колодца пока платить не нужно! Разведи огонь, поставим на плиту большой казан, и всю субботу будем пить горячую воду.

– Дрова тоже кончились, – вздохнула Стерна.

– Значит, будем пить холодную, – отозвался Гейче и стал собираться в синагогу. Делать в доме все равно было нечего. Он решил прочитать до начала субботы всю книгу Псалмов и попросить Всевышнего сжалиться над его женой и детьми.

Уходя, реб Гейче на всякий случай предостерег жену ни в ком случае не обращаться за помощью к соседям.

«Женщины слабы, – думал он, глядя в прекрасные глаза жены. – На всякий случай лучше еще раз предупредить».

– Послушай, Стерна, – вспомнил он уже на пороге, – еды дома нет, готовить нечего, пусть хоть чистота будет. Возьми старших девочек и наведи порядок, точно перед Пейсахом.

В субботу Бааль-Шем-Тов молился очень долго. В других синагогах Меджибожа прихожане давно расходились по домам, а его ученики все еще стояли за спиной учителя, наблюдая, как он дрожит перед Всевышним, полностью погруженный в молитву.

В ту субботу молитва шла как обычно: глубокая темнота окутала Меджибож, холодный ветерок небрежно трепал соломенные крыши изб, из еврейских домов еле слышно до-

носились субботние застольные песнопения, а Бааль-Шем-Тов стоял и стоял, погруженный в единение со Всевышним. В каких высотах блуждала его душа, какие тайны раскрывались перед ней – кто знает?

Вдруг Бааль-Шем-Тов развел руками, словно удивляясь чему-то, и громко засмеялся. Ученики насторожились – такого до сих пор не бывало: учитель смеется во время молитвы!

Но спустя секунду смех прекратился, и в синагоге снова воцарилась чуткая тишина. Спустя десять минут Бааль-Шем-Тов вновь разразился радостным смехом. И снова все смолкло.

Когда учитель засмеялся в третий раз, ученики не на шутку встревожились. Нет, особенных поводов для беспокойства не было, радостный смех – это не горестный плач. Но в синагоге происходило нечто непонятное, а неизвестность всегда порождает тревогу.

После окончания молитвы Бааль-Шем-Тов отправился на кидуш, и ученики гурьбой последовали за ним. Лишь после окончания трапезы один из учеников решился спросить учителя о причине его троекратного смеха во время молитвы.

– Живет в нашем местечке еврей по имени Гейче, – ответил Бааль-Шем-Тов. – Сегодня он пошел в синагогу в полной уверенности, что будет ужинать, завтракать и обедать холодной водой. Но, вернувшись из синагоги, он отворил дверь своего домика и увидел горящие свечи, стол, уставленный

разнообразными яствами, счастливые лица детей и жены. В нос ему ударил дивный аромат субботних блюд. Гейче решил, что жена, вне всякого сомнения, нарушила его просьбу и обратилась за помощью к соседям. Иначе ведь невозможно объяснить изобилие, внезапно осенившее пустой дом. Однако реб Гейче сдержал волнение и решил объясниться с женой после кидуша.

Он спел все субботние гимны, поздоровался и попрощался с ангелами, произнес кидуш и блаженно захмелел от вина. Осторожно поглядывая в сторону жены, реб Гейче готовился задать ей неприятный вопрос, но не успел, Стерна опередила его.

– Ты, наверное, удивляешься, – спросила она, – откуда на столе столько всякой еды? Не волнуйся, я не нарушила наше правило. Когда ты попросил меня навести в доме порядок, я отрядила девочек вытирать пыль, подметать и мыть пол, а сама принялась за уборку шкафа. Давненько я в него не заглядывала, и вот, на верхней полке, под всяким старым тряпьем обнаружила свое свадебное платье. То самое, – тут Стерна сладко вздохнула, – которое ты мне когда-то подарил. На нем были золотые пуговички. Я совсем-совсем позабыла об этом платье. – Стерна вздохнула еще раз, но уже не сладко, а с грустью. – Пуговицы я немедленно срезала, продала и на вырученные деньги купила еды.

Гейче засиял от восторга, от избытка чувств он вскочил со своего места и пустился вместе с женой в пляс.

Он станцевал с ней еще два танца: второй раз после фаршированной рыбы, а третий – после навaристого куриного бульона с креплах. Когда они танцевали, – тут Бааль-Шем-Тов обвел глазами учеников, – вместе с ними пускалось в пляс все небесное воинство. Тысячи, десятки тысяч ангелов кружились в радостном хороводе над крышей Гейче и Стерны, и хоровод этот простирался от застрехи бедного еврейского дома до самого Небесного Престола.

Что случилось дальше со Стерной и ее мужем, история умалчивает. Возможно, этот танец был высшей точкой их служения Всевышнему. А возможно, судьба еще не раз подарила им золотые минуты радости, когда духовное и мирское сливаются воедино.

– И кто знает, – закончил раввин Довид свой рассказ, – возможно, в эту самую минуту сонмы ангелов водят радостный хоровод над одним из домиков Бней-Брака, и сам Всевышний, восседая на Престоле, радуется вместе с праведниками над подгоревшими халами, извлеченными из мусорного бака.

Наполеон в Варшаве

Записано со слов раввина Пинхаса Альтхойза, Холон.

Спустя неделю, после того, как победоносная французская армия заняла Варшаву, вельмишановная шляхта устроила пир в честь императора. Паны рассыпались в комплиментах, стараясь по-особенному польстить Наполеону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.